

КНИГА,
ЗАПРЕЩЕННАЯ
НА УКРАИНЕ

АЛЕКСАНДР

ПРОДАНО
9 000 000
КНИГ

ТАМОНИЖКОВ

ДОНБАСС

ПУТЬ ЯРОСТИ

НИКОГДА НЕ ПОВОРАЧИВАЙСЯ К ВРАГУ СПИНОЙ

Донбасс

Александр Тамоников

Путь ярости

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Путь ярости / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2015 — (Донбасс)

Отлично обученные и натасканные диверсанты из США готовятся провести несколько молниеносных операций в районе Донбасса. Одна из них – ликвидация комбрига «Крым» полковника Прохорова. Диверсанты неприметны, ничем не выделяются среди местного населения, действуют дерзко, жестоко и в высшей степени профессионально. Малейшая нерасторопность или ошибка могут стоить ополченцам слишком дорого. Капитан Никита Турченко со своей группой бойцов бросает заморским гостям вызов. Ему помогают донбасские разведчики, собирающие по крупицам информацию о наемниках. Анна Решко, случайная свидетельница, описывает внешность американцев. И вот уже выяснены их имена. Маски с диверсантов сорваны. Осталось лишь накормить их свинцом Донбасса...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А. А., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Тамоников

Путь ярости

*Все изложенное в книге является плодом авторского воображения.
Любые совпадения случайны и непреднамеренны.*

А. Тамоников

© Тамоников А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Казарма ополчения на краю Ждановки горела сильно и ярко. Сполохи пламени взмывали в звездное небо, распадались на пылающие крупницы, как фрагменты фейерверка, и плавно опускались на землю. Поочередно взрывались газовые баллоны в подвале, добавляя зрелищности. Казарма находилась на опушке – от леса ее отделяли несколько сараев и пустырь, заваленный мусором. Городок обрывался кирпично-деревянным двухэтажным бараком, в котором ранее находилось общежитие казенного завода химических изделий. Явление для маленького городка исключительное – Ждановка находилась в глубоком тылу, в полусотне километров южнее Луганска. Ее никогда не обстреливали, не взрывали, в ней стоял лишь небольшой гарнизон ополчения и располагался штаб мотострелкового батальона, подчиненного командованию бригады «Крым». До войны в городке проживало около тридцати тысяч человек, к лету 2015 года осталось не более половины – кто-то подался в Россию, до которой было полтора часа езды, кто-то нашел убежище в соседних областях Украины. Из «достопримечательностей» в городке можно было отметить лишь упомянутый казенный завод и хранилище радиоактивных отходов на севере, обладающее дурной славой и мало способствующее инвестиционной привлекательности региона.

В районе действовал диверсионный отряд «Тени» – детище киевского режима, призванное пакостить властям самопровозглашенной республики. В местных лесах они неплохо себя чувствовали. База отряда располагалась в шести верстах западнее Ждановки – в труднопроходимом осиннике. Низина охранялась, были продуманы и оборудованы пути отхода, в том числе по примыкающему болоту. С базы переодетые диверсанты осуществляли набеги на местные поселки и объекты инфраструктуры. «Подъем, развод, разбой», – шутили диверсанты. Нападениям подвергались колонны техники ополчения (осуществляли несколько залпов из гранатометов и спешили уйти), сжигались дома местных активистов; было уничтожено отделение «Банка Новороссии» в Язовке – шестеро боевиков, переодетых ополченцами, вошли в поселок и устроили бойню, подорвав отделение вместе с находящимися там сотрудниками. О том, что ополченцы ушли из поселка, диверсанты прекрасно знали. Когда прибыл «летучий отряд» на джипах, боевиков и след простыл, а на месте банка высилась груда дымящихся развалин.

Ликвидировать эту банду не могли уже целый месяц. Диверсанты владели информацией – ее предоставляли внедренные агенты и предатели из числа местных чиновников и военных. Ночную атаку на Ждановку тоже продумали. Гарнизон находился в глубоком тылу – бдительность соответствовала. Комендант общежития – некий Бабарыка Опанас Софронович – был на крючке у «лесных братьев». Лояльность держалась на страхе – сутками ранее в дом коменданта заглянули трое в форме бойцов мятежной республики и взяли в заложники семью. «Террористическую» власть Опанас Софронович не любил, но героем не был. Пришлось ломать себя через колено. В казарме жили бойцы комендантской роты – без малого сотня душ. Из трех взводов всегда присутствовал один – люди отдыхали перед заступлением в караул. Случалось, взводы пересекались. Этой ночью в казарме должны были ночевать не меньше шестидесяти бойцов. Господину Бабарыке предстояло работать в контакте с диверсантами. В его задачу входило заложить взрывчатку, а людям в лесу – в подходящий момент повернуть рукоятку дистанционного взрывателя. Организовать диверсию оказалось несложно. В девять вечера Бабарыка подъехал на грузовичке к задней двери общежития, рядом с которой находился спуск в подвал. Он был немного бледен, но работал уверенно. Вытащил из кузова мешок, взвалил на плечо и потащил к подвальной двери. Все это видели часовые. Рядом в беседке курили местные поварахи – незамужние сорокалетние дамы.

– Что несем, Опанас Софронович? – заступил дорогу охранник. Комендант, вздохнув, опустил мешок на землю, развязал. Ополченец сунул туда нос, поворошил прикладом деревянные угли.

– Ладно, тащи, – поднял голову на коменданта. Тот глупо улыбался, был каким-то при-
торможенным. – Ау, завис, Софроныч?

– Перезагрузим? – засмеялся сослуживец.

– Лучше бы помог, – опомнился комендант и вновь взвалил мешок на плечо. – Для вас, между прочим, стараюсь.

– Тащи уж, – отмахнулся ополченец. – Мы тоже для вас, местечковых, стараемся. А то была нужда из Забайкалья сапоги стирать.

Часовые потеряли интерес к коменданту. Он оттащил мешок в подвал, вернулся, взялся за второй.

– Такой приятный мужчина, – вздохнула курящая в беседке повариха, провожая взглядом сутулую спину. Вторая прыснула.

– Не лезь, Маришка. У мужчины жена и семеро по лавкам.

– Ну, да, хорошая жена, – фыркнула первая. – Слухи ходят, что она спуталась с каким-то офицером из Московии. А может, врут люди, слухи, все такое... Когда ей шуры-муры крутить, если семеро по лавкам?

Грузчиков и кочегаров в штате общежития не держали. Приходилось все делать самому. Бабарыка перетасил в подвал пять мешков. В третьем и четвертом лежали шашки взрывчатки, переданной Бабарыке лично командиром «героического» украинского отряда. Пятнадцать килограммов спрессованного взрывчатого состава ИМХ-101, разработанного в Америке для армии США на замену непредсказуемому тринитротолуолу. Убедившись, что в подвале, кроме него, никого нет, Бабарыка складировал уголь возле печки, а взрывчатку стал распределять, как было сказано – рядом с вентиляционной отдушиной над спальным помещением. Обложил ею запасные газовые баллоны, используемые на кухне. Его возня осталась незамеченной. Завершив минирование, комендант позвонил по телефону, отчитался о проделанной работе.

«Сколько террористов в казарме?» – спросили из леса.

«Взвод, – отозвался Бабарыка. – Скоро прибудет второй».

«Сразу доложите, – последовала команда. – И у вас будет ровно две минуты, чтобы покинуть здание».

В доброту боевиков Бабарыка не верил – сидеть на пороховой бочке не было никакого желания. Но остатки выдержки уберегли от резких движений. Все-таки взрывчатка дорогая (видимо, поставленная заокеанскими партнерами, как «не летальное» оружие), использовать будут при максимальном скоплении народа. Задница чесалась, но Опанас Софронович находился в здании, создавая видимость усердной работы. Поругался с кладовщиком по поводу странного отсутствия постельных принадлежностей (хотя чему тут удивляться – что имеем, то и воруем), покурил с командиром взвода ополченцев Котляром – выслушал замшелый анекдот и даже вяло улыбнулся. Без пары минут десять во дворе общежития остановился грузовик, набитый ополченцами. Усталые бойцы спрыгивали на землю, с шутками и прибаутками топали в казарму. Комендант Бабарыка обливался потом.

– Приболел, Софроныч? – хлопнул его по плечу старший лейтенант Стриж. – Будем лечиться. Приходи через полчаса в офицерское «купе», накапаем микстуры, не обидим.

Находиться в здании он уже не мог. Ноги волокли прочь. Но звонить своим подельякам Бабарыка боялся – не верил, что ему дадут время выйти живым.

«Отйду подальше и позвоню», – решил он.

Божьей милостью в казарме отключили свет. Событие просто совпало с подготовкой к теракту. На улице уже стемнело, и возмущению ополченцев, готовящихся отойти ко сну, не

было предела. Нужно мыться, стираться, кипятить воду для вечерних чайных церемоний! В соседних зданиях свет не отключали – значит, это не было общегородской аварией. Проблема заключалась в щитке – видимо, выбило пробки. Щиток находился в подвале. Двое ополченцев – Грубов и Матвиенко – бросились с фонарями вниз и через несколько минут, смертельно побледневшие, как-то вкрадчиво ступая, вышли обратно. Самообладания у бойцов хватило не пороть горячку. Паника – не вариант. Так уж получилось, что луч от фонаря Матвиенко высветил горку странных предметов в двух шагах от щитка. Комвзвода Стриж как раз проходил мимо. Грубов что-то шептал ему, задышался от волнения. Офицер сориентировался быстро – на Северном Кавказе в начале двухтысячных и не такое случалось. Мурашки бегали по спине, но он действовал четко. Связь по рации с командирами отделений – быстро и без суеты уводить людей. Как есть – в исподнем, босых, а если голые, то и голых! Только через задний проход, без шума, по одному, дабы из леса ни одна падла не заметила! Подошел к часовым – замечали что-нибудь подозрительное? Всплыла фигура коменданта, таскавшего мешки с углем. Какой на хрен уголь – начало августа на дворе! Коменданта взяли в его каморке – Опанас Софронович раскис, мямлил от страха. Телефонный звонок он так и не сделал. Его схватили под руки, поволокли. К этому времени здание уже опустело. Ювелирно сработать не удалось – заднее крыльцо общежития окружали сараи и кустарник, и все же диверсанты, залегшие на опушке, разглядели, как в окнах мелькают люди.

– Взрывай, Лесь, – распорядился старший. – Хватит ждать. Уже забегал этот муравейник.

– С любовью и нежностью, ватники драные... – злорадно прошептал лежащий за поваленным деревом специалист-взрывник. – Ловите жаркий привет от неизвестного солдата. – И с нажимом повернул рукоятку.

– Осторожно, проводятся взрывные работы, – ухмыльнулся его товарищ по нелегкой «освободительной» борьбе.

Произошла заминка. Вследствие почтенного возраста и халатного обращения проржавел механизм замыкания контактов. Сигнал не прошел. Чертыхнувшись, специалист начал яростно работать рукояткой, потеряв драгоценные мгновения. Закладка в подвале сдетонировала, когда ополченцы выволокли упирающегося коменданта на крыльцо. Почему он упирался, истории неизвестно. Ополченец споткнулся, Бабарыка вырвался и, обезумев от страха, бросился зачем-то обратно в общежитие. В этот момент и разверзлось половое покрытие первого этажа, с адским грохотом из подземелья вырвался столб огня, понеслась ударная волна, и началась безумная огненная феерия. Пятнадцать килограммов взрывчатки на небольшое здание – весьма ощутимо. От коменданта Бабарыки осталось «сухое место» – обгорелые кости и немного пепла. Пострадали ополченцы, не успевшие отбежать от общежития, их сбilo с ног ударной волной, опалило жаром. Раненых вынесли товарищи. Их жизни ничего не угрожало (не считая грядущих затруднений в общении с прекрасным полом – вследствие ожогов на лицах). Общежитие горело и взрывалось. В считанные минуты от здания ничего не осталось. Сгорели сараи, стоящие по периметру. Вспыхнул и превратился в обугленный остов грузовик, на котором прибыли ополченцы, – его не успели отогнать в безопасное место. Пожарная машина прикатила из соседнего городка Аметиста с похвальной быстротой, но тушить уже было нечего. Все, что осталось пожарному расчету, – следить, чтобы огонь не перекинулся на соседние здания. Окрина Ждановки превратилась во взорванный муравейник. Жители спешно покидали свои жилища, плакали дети. Ревели сирены машин экстренных служб. Ругались ополченцы в исподнем, скопившиеся за гаражами и местной подстанцией, – хотя в их ситуации уместнее было кричать от радости.

Как ни крути, а урон нанесли лишь имущественный (не считая коменданта). Все пятеро диверсантов находились на опушке. Посадить наблюдателя с обратной стороны общежития командиру в голову не пришло. Он уже понял, что потерпел фиаско: дорогостоящую взрывчатку выбросили на ветер. Командир запоздало отправил своего человека на разведку. Тот

уполз и вскоре вернулся с неутешительными известиями. Исправлять косяк было нечем, к тому же, по уверению лазутчика, в квадрат прибыл спецназ ополчения, чтобы ловить диверсантов. Это был первый провал за неделю. Усугублять ситуацию не стоило. Последовал приказ – путать следы, всем отходить на базу. Пятеро «леших» в маскировочных халатах-лохмотьях отползали в лес, пропадали за деревьями...

К окончанию «банкета» в Ждановку действительно прибыла группа «истребителей диверсантов» – два отделения экипированных до зубов бойцов из батальона спецназа майора Шубина. Сам батальон размещался в Аметисте, находящемся в 15 верстах к югу от Ждановки, там он проходил изнуряющие тренировки, отсюда разъезжались по командировкам бойцы. Часть считалась образцовой, бойцы отлично зарекомендовали себя в минувших сражениях. С этими парнями диверсанты старались не связываться, их боялись как огня украинские военные. Крепкие мужики спрыгнули с джипов, рассыпались по периметру догорающего здания. Вокруг пепелища толпились ополченцы (эти парни родились, как видно, в рубашках) – большинство успело вынести оружие, но одежда, личные вещи так и остались в казарме. Комвзвода Стриж докладывал обстановку невысокому, светловолосому капитану Турченко – заместителю комбата Шубина. Капитан слушал, не перебивая, косился на выбивающиеся из пепелища языки пламени – пожарные заливали их пеной. Личная команда из четырех человек – проверенный, дружный коллектив – находилась рядом. Все пятеро (включая Никиту Турченко) – Лебеденко, Копылов, Терновский, Гончар – восемь лет назад окончили Харьковское военное училище. Судьба разбросала их по свету, кто-то из выпуска уже ушел в иной мир, кто-то бросил армию, убыл за границу, кто-то воевал на противоположной стороне. Неприятно впечатленный Майданом, Турченко сам уволился из армии. Но когда в Донбассе началась заварушка, в числе первых записался в ополчение и начал подбирать себе команду, с которой и влился после Иловайского котла в батальон Шубина. Всю компанию Никита отыскал в Луганске, и долго уговаривать товарищей не пришлось – у каждого имелся свой счет к киевским властям. Без малого год, отдыхая лишь в короткие отпуска, они возились в этом дерьме, которое украинские силовики называли АТО, а их идейные оппоненты – отражением агрессии преступного режима. Лишь позавчера офицеры вернулись из окрестностей Марьинки, где «весело» проводили время под непрекращающимися обстрелами (какое же перемирие без демонстрации огневой мощи украинской армии?), и уже сегодня их бросили на ЧП в глубоком тылу собственной армии.

– Что за хрень? – бормотал бывший старший лейтенант, командир роты в танковом учебном центре «Десна» под Черниговом Сергей Терновский – степенный, неспешный, успевший освоить после увольнения из армии нелегкую профессию лесника в одном из отдаленных районов Луганщины. Он хмуро созерцал сгоревший грузовой автомобиль, скорбные горелки бывшей казармы, распространяющие убийственные ароматы.

– Das авто, – простодушно пояснил бывший разведчик, а ныне заслуженный спецназовец Семен Гончар – плотно сбитый, с неувядающей хитринкой в глазах. – А das – хаус... Блин, арт-хаус какой-то... – Он начал брезгливо зажимать нос. – Слышь, командир, ты уверен, что мы приехали по адресу? Пострадавших нет. Ну, сгорела халупа – туда ей и дорога, все равно сносить пора было. Обычное бытовое разгильдяйство.

– Правильно. А небрежное отношение с динамитом приводит к улучшению генофонда человечества, – хмыкнул рослый и подтянутый Алексей Копылов. Этнический русский, до Майдана он служил в аэромобильной бригаде, расквартированной в Одессе – в одном из немногих боеспособных соединений на фоне всеукраинского развала. Когда начался бардак, сдал в штаб воинские документы, собрал единомышленников-офицеров и отправился в Крым – присягать на верность российским властям. «Гопоту западенскую не люблю, – объяснял он свой выбор. – Запад хоть понимает, КОГО он привел к власти и чем ему это аукнется? Разорвать отношения с Россией во всех сферах, назначить ее главным врагом! С головой все в

порядке? Ведь ясно, что от этого станет только хуже. Это даже не вредительство, это государственное преступление!»

Генофонд человечества по итогам происшествия не пострадал. Во всяком случае, не ухудшился. Двое обожженных и один погибший – самолично же и загрузивший в подвал взрывчатку. Никита Турченко внимательно выслушивал взволнованного комвзвода Стрижа. Личность коменданта Бабарыки волновала его меньше всего. Этот тип всего лишь сгрузил взрывчатку и установил взрыватель, реагирующий на радиосигнал. Он так и не успел покинуть здание, и подрыв произошел без его участия. Значит, человек, активировавший закладку, находился снаружи, в чем не было ничего странного – мусульманский мир далеко, с террористами-смертниками на Украине достаточно напряженно.

Дошло! Капитан заскрипел зубами. Проклятые «Тени»! Называют себя партизанами, досаждают ополчению и мирным жителям Донбасса, как досаждал прыщ на заднице! Долго думали над названием. Партизаны – это те, кто в тылу оккупантов воюет, а не те, кто с оккупантами заодно! Именно в этом районе в последнюю неделю активизировалась их деятельность! Он мысленно восстанавливал в памяти объекты, подвергшиеся нападению.

«А ведь действительно! – осенило капитана. – Горгулинская чаща, примыкающая к Ждановке, самое удобное место для базирования диверсантов. Нападение на колонну под Алехино, кровавая баня в Пичугинском сельсовете, дерзкая атака на банк Новороссии в Язовке, текущий фейерверк в Ждановке... Эти направления лучами расходятся от Горгулинской чащи! Не такие уж они и титаны мысли! Но местечко для базирования «призраков» (как они себя горделиво величают) в принципе подходящее. Глухая чаща на площади около сорока квадратных километров, непроходимые дебри лещины, овраги, попадаются даже болота. И к сожалению, ни одной служебной собаки, способной взять след!»

– Славно погуляли, пироманы хреновы... – пробормотал обманчиво рыхлый и вечно кажущийся сонным Юрка Лебедеенко – тоже лейтенант, успешно освоивший на гражданке профессию охранника в банке. – Ну, что, командир, догоним и перегоним? – Он пристально уставился в глаза капитану. За аморфной внешностью бывшего однокашника по училищу пряталась недюжинная сообразительность, выносливый организм и любовь к подвижным играм.

– Слушай сюда, товарищи офицеры, – распорядился Никита. – Бьюсь об заклад, это «Тени». Им не повезло, в противном случае шесть десятков наших товарищей уже бы превратились в прах и пепел. Имеется риск, что они еще здесь, но позволю себе в этом усомниться. Растворились, как в серной кислоте, мать их. Но от нас не уйдут. На рожон не лезть. В лес идет только наша пятерка. Проверить оружие и амуницию. Связь по рации. Командирам отделений с людьми остаться здесь и быть постоянно на связи. Незачем создавать толпу в лесу. Накроем банду – сами справимся.

– Справимся, Никита, – добродушно пробормотал Лебедеенко. – Терновского бы надо отправить...

– Именно, – усмехнулся капитан. – Действуй, Серега. Ты у нас лесник – то же самое, что леший. И в темноте видишь, как кошка. Осмотри опушку и не выключай рацию. Не светись. Докладывать каждую минуту – просто подавай условный сигнал. И не топай через поле, обойди. Мы тоже подберемся с фланга и будем ждать от тебя весточки.

Спецназ остался на месте происшествия, а пятеро специалистов по обезвреживанию вражеских разведывательно-диверсионных групп растворились в ночи. Относительно внятный доклад от Терновского поступил через десять минут.

– Командир, я в лесу, четко напротив общаги, – приглушенно сообщил «лесник». – Ориентир – расщепленная молнией осина. Тридцать метров на юг от ориентира – и углубляйтесь в лес.

– Мы на верном пути? – спросил Турченко.

– А то каждый охотник желает знать... – забурчал под нос Семен Гончар.

– Да, товарищи, верной дорогой идем, – подтвердил Терновский. – У диверсантов здесь было лежбище. Я его обследовал. Двое курили в рукав, третий грыз леденец на палочке, а у четвертого, похоже, задница зудела – ворочался, целый окоп протер. Их было около десятка, командир. Или немного побольше. Ушли примерно полчаса назад. Один за сучок зацепился – оставил на нем клочок маскхалата.

– Точно ушли? – уточнил Никита.

– Точно, командир. Выстроились в колонну по одному и гуськом убрались в лес. Засады я не чувствую. Откуда им было знать, что прибудет спецназ и решит прогуляться по их души?

– По следу сможем пройти? – Никита посмотрел на часы. Ночь благополучно стартовала, до рассвета оставалось часов пять. Диверсанты, конечно, будут плутать, путать следы, но не такие уж они следопыты, а эта чаща не такая бесконечная...

– Сможем, – уверил Терновский. – Это ночь, они сами ни черта не видят и будут повсюду оставлять следы... Подгребайте ко мне.

– Может, подогнуть бригаду-другую и окружить лес? – задумчиво почесал небритый подбородок Гончар. – Ни одна мышь тогда не проскочит.

– Можно, – согласился Никита. – И будем ждать, пока у них в лесу патроны кончатся. Сема, ты голову давно проверял? Мы можем снять с позиций всю нашу армию, чтобы окружить этот долбаный лес. Но тогда эти милые люди будут отстреливаться, бросаться гранатами, ставить повсюду растяжки, и победа будет пирровой, вследствие тяжелых потерь. В этом отряде сплошные фанатики и наци, там нет мобилизованных, будут биться до последнего. Нам это надо? А так мы их накроем тихонечко, малыми силами, не числом, а уменьем. Мы же не собираемся сегодня умирать?

– Уж я-то точно нет, – проворчал Гончар. – Мне сегодня, между прочим, тридцатник исполняется, хочется отметить, как все нормальные люди, а не с пульей в башке.

– Вот и договорились, – хмыкнул капитан. – За работу, товарищи офицеры. И не забываем, что на нашем пути могут встретиться растяжки, мины, небольшие карательные отряды и прочие неожиданные вещи, включая полноценную засаду...

Маленький отряд воссоединился через несколько минут. Компактные фонари освещали примятости в траве. Терновский прополз по земле, потом поднялся на корточки, начал углубляться в лес. Остальные бесшумно следовали за ним, укрываясь за деревьями, напряженно вслушиваясь в звуки ночного леса. Замирали, когда ломалась ветка под напором ветерка, глухо ухала ночная птица, перелетала с ветки на ветку, шумно махая крыльями. «Эти парни далеко не лешие, – бормотал Терновский, припадая к земле. – Не сказать, что ступали след в след – попробуй наступи в такой темень. Но шли кучно, друг за дружкой, хорошо протоптали тропу». Растяжку обнаружили на пятой минуте и едва не вляпались в нее по самые уши!

– Сема, стой... – внезапно захрипел Копылов. По счастливой случайности свет от его фонаря плясал по ногам впереди идущего Гончара. А когда тот никак не среагировал, схватил его за плечо, зашипел. – Стой, слепая тетеря, погубишь всех...

– А чего слепая-то? – спросил Семен и заткнулся. Копылова не проглючило. Тонкая нить, мелькнувшая в бледном свете, не имела ничего общего с предметами природного происхождения. Вернулся побледневший Терновский – именно на этом участке черт его дернул сместиться на полметра левее!

– Никому не шевелиться... – Никита опустил на корточки. Растяжка оказалась короткой – не больше метра. Она упиралась в трухлявый пенек, в который диверсанты и засунули Ф-1. В случае взрыва начисто разнесло бы не только этот пенек, но и окружающие деревья и всю беззаботную компанию, не знающую, что творится у нее под ногами! Никита осторожно вытащил гранату, снял проволочную петлю с рычажка взрывателя. Лучше не проходить мимо такого вопиющего явления. Рано или поздно на гранате подорвется какой-нибудь грибник или

сборщик ягод. Украинским диверсантам на это плевать, но в том и разница между украинскими диверсантами и «бездушными пророссийскими террористами»...

– Фу, мужики, простите, недоглядел, – шумно выдохнул Гончар. – Как колыбельную в голове на барабане отстучали...

– То ли еще будет, – усмехнулся Копылов. – Чем дальше в лес, тем истеричнее «ау», как говорится. Но, думаю, других растяжек мы не встретим.

– И все же посматривайте под ноги, – посоветовал Никита. – А с тобой, именинник, мы поговорим отдельно. Расслабился ты на свой тридцатый день рождения. Вперед, товарищи офицеры. До рассвета мы должны раскупорить этот гадюшник...

Возможно, у этого парня тоже имелся прибор ночного видения, но воспользоваться им он не успел. Шевельнулось что-то под разверзшимся корневищем отмирающего дерева, привстало на колени, почесалось. Только он, больше никого. Часовой обходил окрестности своей базы, пристроился отдохнуть от трудов праведных. Лебеденко бросился первым, навалился, сдавил предплечьем горло. Диверсант хрипел, брыкался, но никому еще не удавалось вырваться из страстных объятий Лебеденко. Соппротивление слабело, движения делались судорожными, вялыми. Тело затихло. Лебеденко отдышался и для верности ударил локтем в горло, переломив шейные позвонки.

– А это зачем? – подползая, прошептал Копылов.

– Для улучшения качества обслуживания, – объяснил Лебеденко. – Ты не в курсе, что иногда они возвращаются?

Спецназовцы подползали ближе. Лес сгустился, местность была изрыта мелкими, но обрывистыми оврагами. Деревья возвышались над ними, как какие-то сказочные уродцы. Данный квадрат располагался в низине. Чувствовался неприятный душок – поблизости находилось болото. Никита посмотрел на светящиеся стрелки. Ночь куда-то канула – почти четыре часа маленький отряд спецназа метр за метром осваивал чащу. Злости не было предела. Но, кажется, пришли. Старались не дышать. С физиономией покойника ознакомились без любопытства. Невысокий жилистый тип, закутанный в маскировочную накидку и распространяющий убийственный запах рефтамида – с комарами и прочими кровососущими в низине был полный порядок (спецназовцы, в отличие от диверсантов, предпочитали нейтральный репеллент из высушенных трав). Люди окружали низину, ползли мимо кочек и извилистых ветвей кустарника. Никита первым преодолел чавкающую канаву и застыл на косогоре. Сердце понесло вскачь. Вот они, проклятые, – вся база как на ладони! Небольшая низина, с одной стороны овраг, с другой – кустарник. Три палатки, покрытые маскировочной сетью – с вертолета не различишь. Да еще деревья плотно окружали участок местности. Неподалеку журчал ручей – ясное дело, чтобы по воду далеко не бегать.

Спецназовцы выжидали, присматривались к обстановке. Из темноты проявлялись очертания обложенного камнями костровища. Между рогатинами висел пустой котелок. Неподалеку громоздились какие-то деревянные ящики. Условный шепот в эфире, и все пятеро стали подползать с разных направлений. Снова что-то зашевелилось в мутном пространстве. Отогнулось брезентовое полотнище, закрывающее вход в палатку, вывалилось тело, разогнуло колени и поволоклось в сторону ручья. Из открытой палатки доносился богатырский храп.

«Плохо, ребята, плохо, – мысленно корил диверсантов Никита. – Один часовой, и тот непонятно чем занимался. Расслабились вы в свете удач...»

Видимо, весь отряд находился на месте. Группа, потерпевшая фиаско в Ждановке, вернулась час или полтора назад (их скорость была выше, чем у людей Турченко) и завалилась спать. Все правильно, утро вечера мудренее. Боевику позволили справить нужду и даже сделать несколько глотков воды, склонившись над ручьем. Потом его накрыли крылья ангела смерти,

хрустнули шейные позвонки, и очередной покойник повалился на землю – хорошо хоть не в ручей.

– Ну, что, командир, в сборе весь карательный гей-отряд? – возбужденно зашептал на ухо Терновский. – Пленных брать будем?

– По обстановке. – Никита поморщился. В идеале надо, но перспектива волочь кого-то через лес откровенно не прельщала. Впрочем, если эти господа сами изъявят желание сдаться и пройтись...

– Доброе утро, господа диверсанты!!! – проорал он громовым голосом. – Просыпаемся, выходим по одному, оружия не касаемся! Вы окружены ротой спецназа Луганской Народной Республики!

Шухер был отменный. Спецназ вполне мог закидать палатки гранатами, но снова эта «ложная» порядочность – не убивать тех, кто не может оказать сопротивления. Пусть возьмут оружие, начнут сопротивляться... Полуодетые диверсанты с воплями выбежали из палаток, передергивая затворы.

«Огонь, хлопцы, они блефуют!!!» – истошно заорал кто-то. Двое или трое успели полоснуть из АК-74, и это стало главной ошибкой в их жизни. С четырех направлений лагерь накрыл шквал огня! Он кромсал палатки, разбрасывал деревянные ящики, впивался в тела дезориентированных людей. Это был какой-то круговорот живых и мертвых тел! Они кувыркались, как в стиральной машине, пытались разбежаться, но бежать было некуда, и диверсанты падали, наспигованные свинцом. Какой-то юркий тип перекувырнулся через голову, увильнул от автоматной очереди, но от второй увильнуть не смог и грохнулся всей массой, переломав отлетевший ящик.

«Реально сыграл в ящик», – подумал Никита. В считанные мгновения дюжина людей переселилась в мир иной, а их тела остались лежать вокруг ручья в «произвольных» позах. Две палатки были повалены и разорваны свинцом. Если там и оставался кто-то, от него мало что уцелело. Третья палатка стояла в стороне, из нее никто не выбежал, по ней не стреляли. И вдруг оттуда прозвучал истошный картавый вопль:

– Don't shoot!!! We are citizens of another state!!!

Ополченцы уже вышли из укрытий. Застыли, стали недоуменно переглядываться. Палатка кричала на чистейшем английском языке. Ополченцы подошли ближе, держа автоматы наизготовку. Знанием иностранных языков на уровне детского сада владели все, и общая направленность послания была понятна.

– Come out, we won't shoot! – крикнул Никита, на всякий случай смещаясь подальше от входа в палатку. – And no nonsense, we got grenades!

– You bastards! Bastards! It's the terrorists! Shoot them! – внезапно прозвучал второй истошный вопль – практически фальцет, и из палатки выкатился человек – проворный, стремительный. Вскочил, вскинув автомат. Но уже летела граната, брошенная Никитой, – та самая Ф-1 из неудавшейся растяжки. Он рыбкой метнулся за горку камней у погашенного костра, краем глаза отметив, что разлетаются все. Граната взорвалась практически под ногами автоматчика – мощная, оборонительного характера, выбрасывающая вместе с осколками избыточную энергию и способная доставить массу неприятностей тому, кто не успел спрятаться. Взрывом порвало палатку вместе с содержимым, изодрало в клочья тело незадачливого автоматчика.

Люди осторожно приблизились, держа пальцы на спусковых крючках. В живых, похоже, никого не осталось – включая иностранцев, которые сами выбрали свою судьбу. Гончар первым вышел к палаткам, изумленно посмотрел по сторонам, на светлеющее небо, покачал головой.

– Утро в сосновом лесу, блин... Зашибись тридцатилетие праздную. Ба, да этот придурок еще живой, – изумился Семен, глядя на подрагивающее тело, на котором почти не осталось живого места. Он с натугой усмехнулся. – Киборг, в натуре киборг... Мал, да удал, как говорится. А что, пацаны, кто знает – киборг без головы еще долго будет отстреливаться?

– Дурак ты, Семен, – опустил на корточки Терновский. – Это же баба.

Включили фонари, и пришлось констатировать, что обладателем фальцета при жизни являлась женщина. Невысокая, прыщавая, некрасивая, плотно сбитая, с сальными волосами, но, как ни крути, самая настоящая женщина. Щеку порвало осколком, но в глазах застыла неутолимая злость, в них переливался ледяной блеск. Женщина вздрогнула в последний раз и тихо преставилась. Никита смотрел в ее наполненные злобой глаза и не мог избавиться от мысли, что она еще не знает, что умерла.

– Неудивительно, что эта фурия ночует в одной палатке с мужиками, – хмыкнул Копылов. – Думаю, как баба, она их несколько не прельщала. Кто такие, командир? Иностранцы наемники? Партизанили вместе с этими хохлами?

– Как-то непохоже, жили вроде отдельно... – Никита нахмурился и отбросил ногой клочки порванной палатки. Показались еще два тела – мужские, тоже плотно сбитые, обоим под сорок, светловолосые, типичные представители белой расы, но решительно не славяне. Характерные породистые лица – ухоженные, холеные. Все трое находились при оружии, но, в отличие от украинцев, носящих камуфляж и маскхалаты, были одеты в штатское. Джинсовые костюмы, скрученные ветровки, которые они использовали в качестве подушек. Валялись растерзанные заплечные сумки, початая бутылка колы, цветные обертки какой-то нехитрой снеди.

– Туристы, – пожал плечами Лебеденко. – Жалко, командир, хорошо бы было допросить хоть кого-нибудь.

– Мертвых не допрашивают, – отрезал Никита. – Шабаш, убиты при оказании сопротивления.

Он снова посмотрел на часы. Начало пятого утра. Тьма рассеивалась, подкрадывалось утро – слава богу, не самое худшее утро на этой войне. Все живы, банда диверсантов, заброшенная в тыл молодой республики, полностью уничтожена. Двенадцать тел валялись в живописных позах, напичканные до отвала свинцом. Все мужики небритые, неухоженные, впитавшие в себя все прелести лесного духа. Были молодые, от силы двадцать – двадцать пять, были постарше. Грузному мужику, разлегшемуся поперек ручья с пулей в седой голове, было не меньше пятидесяти.

– Наигрались в партизан? – презрительно вымолвил Копылов, носком сапога переверачивая мертвеца, впившегося ногтями в землю. И откуда такая резвость в мертвом теле?! «Мертвец» подлетел – словно током ударили! И бросился наутек с низкого старта – только пятки засверкали. Как удачно исполнил роль покойника! Все ахнули. Но Копылов не дремал – нагнулся, подобрал валяющуюся под ногами жердину – ее не успели разрубить на дрова – и швырнул вдогонку. Жердина обернулась в воздухе параллельно земле и сбила с ног беглеца. От мощного удара он сделал кувырок и, видимо, что-то сломал – истошный вопль сменился хрипом. Он пытался подняться, но не смог, снова рухнул.

– Русское кунг-фу, – хвастливо заявил Копылов.

– Главное, чтобы оглобля не сломалась, – сказал Гончар.

Незадачливому беглецу, похоже, перебило ноги. Он копошился, испускал жалобные рулады. Когда спецназовцы приблизились, он уже лежал на спине, тяжело дышал, обливался потом. Это был молодой паренек, от силы лет восемнадцати. Он пытался сохранить самообладание, но страх не давал это сделать – он посерел от страха, обливался испариной, лицо увелила какая-то шутовская гримаса.

– Вот она какая – карикатура, – нескладно пошутил Гончар.

– Да пошли вы... – прохрипел паренек и сам пришел в ужас от своей дерзости. Задергался, задышал с надрывом, а когда Лебеденко без комментариев приставил к его голове ствол АКС, чуть сознания не лишился.

– Вы не можете меня застрелить... – просипел он на прекрасном русском языке.

– Это незаконно? – удивился Лебедеко. – А сколько вы мирных жителей положили только за последнюю неделю – это законно?

– Молодой какой, – фыркнул Терновский. – Мамка на войну отпустила? Да еще и благословила на прощание: мочи, сыночек, всех этих недочеловеков направо и налево? Чего напрягся?.. А, извини, проклятый энурез...

– Ладно, – перебил Никита. – Хорош острить. Мы сегодня добрые. Будешь вести себя пристойно – не станем делать из тебя шашлык. Ты жив, парень, согласишься, это знак, который послали тебе небеса. Но только выкнешь или откажешься говорить правду – и в твоей жизни произойдут серьезные перемены, гм... Это весь ваш отряд? – Он кивнул на разбросанные по поляне тела.

– Весь... Нас тринадцать человек...

– Кто командовал группой?

– Майор Галичук...

– Вот этот лось. – Терновский ткнул носком в перекрывшего русло ручья мертвеца. – Проходит по всем ориентировкам. Воевал в Афганистане в составе советского контингента, был в Ираке с украинским контингентом. Большой приверженец правого экстремизма. Имеются фотографии, как он возглавляет факельное шествие во Львове – экипировка и наглядная агитация участников шествия весьма и весьма недвусмысленные...

– Говорят, у шествия нет причин и нету следствия... – пробурчал под нос Семен.

– Имя? – нахмурился Никита.

– Валя я... – захныкал пленный. – Валя Загоруйко...

– Ладно, хоть не Котик, – скабречно ухмыльнулся Копылов. – Юный партизан ты наш. Мобилизованный, какой же еще? Все так говорят. Насильно рекрутировали, отправили за кордон убивать невинных, но ты этого не хотел. Данную часть своей исповеди можешь смело опустить, дружок.

– Из Ждановки в котором часу ваши вернулись? – продолжал допрос Никита.

– Не помню я... Часа два назад... Мы спали уже. Галичук сам ходил. Злые вернулись, не срослось у них там что-то... Рычал, что утром будет ставить новую задачу, а сейчас всем спать...

– В вашем лагере жили трое иностранцев. Мужики и баба. Кто они?

– Так звідки ж мені знати... – От волнения «юный партизан» перешел на родную мову.

– Не врать! – рявкнул Никита, и парень сжался, испустил ударную волну страха, отчетливо папахивающую экскрементами.

– Хорошо, я скажу, я скажу... – заканючил теряющий остатки выдержки диверсант. – Но мы, правда, мало знаем, нам ничего не говорят... Не знаю, как их фамилии, бабу зовут вроде Барбара, а тех двоих – Смит и... – Пленный натужился, выдавливая комок из горла.

– Вессон, – пошутил Гончар.

– Харви... О, це же таке... – Загоруйко надрывно кашлял. – Их привели сюда позавчера, поселили отдельно, велели не приставать к людям, особенно к бабе... Борька Нечипорук мне по секрету сказал, что это американцы, снайперы из какой-то частной военной конторы. Их тайком переправили через кордон с важной миссией – вроде на машине с овощами, а отсюда переправят дальше... Поживут дня три в лесу, и их заберут... Не знаю, кто и куда, не знаю, какая у них миссия... Откуда мне знать, я простой солдат... Они с нами почти не общались, смотрели, как на каких-то плебеев, словно мы не люди... Баба вообще почти не разговаривала, только со своими иногда... Брезгливые какие-то, странные...

Загоруйко снова закашлялся, застонал от боли в сломанной ноге. Рассвет разгорался. Арена побоища представляла в полной красе – до всех оттенков гримас на лицах мертвецов. На голову убитой женщины, ничуть не смущаясь, опустилась ободранная ворона. Посидела, потопталась и взлетела, подалась к ближайшему дереву.

– Ладно, мужики, – сказал Никита, доставая рацию. – Вечеринка по случаю Семиных именин закончена. Вызываем вертолет. Подготовьте этого упыря к транспортировке. В контрразведке его допросят более продуктивно. Важных птиц мы сегодня, похоже, кокнули, но расстраиваться не будем.

– Не упустили же, – улыбнулся Лебеденко, – нас про них никто не предупреждал.

Устали за ночь дико. Ополченцы волочили ноги к краю поляны – подальше от мертвечины и ее поедателей. Связанный Загоруйко остался возле костра, жалобно постанывал.

– На базу, мужики, сил моих больше нет... – виновато улыбался Семен, растягиваясь в траве. – За наградами, за славой. Может, дюлячек навешают, что не взяли заморских гостей живыми. Ну, уж извиняйте... Эх, выпил бы я сейчас немного... – мечтательно вздохнул Семен.

– Почему немного? – удивился Лебеденко. Семен задумался. Вопрос действительно был со смыслом.

– Вернемся – выпьем. – Копылов покосился на молчащего командира. – Грешен, мужики, заначил полкило белой и имею стойкое желание с ней разобраться самым циничным образом.

– Отстойно, – поморщился Семен. – Белую пили уже, надо двигаться дальше. Вот у меня текила в заначке и одна лимонка... в смысле, лимон. Кто больше?

– Без разницы, – отмахнулся Лебеденко. – Все равно, с какой холерой воевать.

– А я в завязке, – вздохнул Терновский. – Уже месяц ни капли.

– Серьезно? – изумился Семен. – Бес трезвости попутал, Серега?

– Ну, ладно, разговорились вы, товарищи офицеры, – нахмурился Никита. – Заняться нечем? Тогда слушай мою команду. Терновский – в дозор. Контролировать все тропы, ведущие в это славное местечко. Остальным – собрать оружие, личные вещи убитых, обыскать тела. Любые бумаги, если таковые найдутся, карты, записки, шифровки, телефоны и прочие средства связи – складировать у костра. Будем разбираться до прибытия вертолета. Первым делом обыскать иностранцев. Сдается мне, что это были очень примечательные личности...

Глава 2

Прибытие рейса AF-3374 компании «Air France» Париж – Киев задерживалось на десять минут. Мягко перелистывалось табло прилета, недовольно гудели встречающие. Аэропорт Борисполь жил своей размеренно-суматошной жизнью. Пассажиры с ручной кладью штурмовали посадочные зоны, прохаживались патрули – работники милиции и хмурые штатские с повязками (неизвестно, от какой организации) пытливо смотрели по сторонам. Работали киоски, магазины дьюти-фри, уставший женский голос постоянно что-то объявлял на украинском и английском языках. В кафе, отгороженном от суеты частоколом вьющихся растений в кадках, было сравнительно тихо. Отсюда просматривалось табло и все, что происходило вокруг. Ценник на закуску и выпивку в кафе был задран выше приличий, поэтому наплыва посетителей здесь не наблюдалось. Двое мужчин неспешно попивали кофе и явно чего-то ждали. Они казались спокойными, но небольшую нервозность выдавали беспричинное ерзанье и постукивание пальцами по столешнице. Невысокий худощавый мужчина с густыми бровями и угловатой челюстью стрельнул глазами на стройную официантку. Она нагнулась, чтобы поднять какой-то фантик. Его спутник выглядел более представительно – постарше на несколько лет, выше, степеннее, добротнее одетый, с прилипшей к губам брезгливо-снисходительной усмешкой. Он проследил за взглядом своего спутника, промолчал. Полковник СБУ Павел Константинович Масловский не отличался разговорчивостью. Впрочем, его спутник – капитан той же уважаемой организации Вадим Паскевич – тоже не был любителем поболтать. Последние пять минут они молчали, совмещая курение с размеренным потреблением напитка. «Не курит» – выразительно извещала табличка у барной стойки, но никто из работников заведения не осмелился сделать им замечание. На лбу у Павла Константиновича доходчиво было написано, где он работает.

– Прибывает, дождались, – пробормотал сквозь зубы Паскевич. – Они точно летят, Павел Константинович?

Полковник Масловский скупно кивнул. Час назад он звонил своему американскому шефу в Париже бригадному генералу в отставке Паулю Горману – руководителю частной военной фирмы «Company Start». Компания имела тесные, но не афишируемые связи с руководством Североатлантического альянса. К ее услугам прибегали в тех случаях, когда требовалось деликатно выполнить задание, на которое не подписался бы ни один официальный представитель НАТО. «Командированные вылетели, – скупко поведал в беседе Горман. – Надеюсь, полковник, после неудачи двухнедельной давности вы сделали правильные выводы и подобная ситуация не повторится. Мы высылаем высококлассных специалистов, и их потеря вам дорого встанет. Надеюсь, вы сработаетесь».

«Ситуация двухнедельной давности» была как снег на голову. Дикая история, стечение невиданных обстоятельств. Он кивнул, отвечая на вопрос Паскевича. Тот хмыкнул – этот невзрачный малый отличался завидной пронизательностью, и временами создавалось впечатление, что умеет читать мысли.

– Красивая история, согласен, Павел Константинович. Рисуем потерять доверие партнеров. Вы анализировали ситуацию – как такое могло произойти? Людей Салливана должны были переправить в Луганск с промежуточной базы. Их накрыли за несколько часов до выхода – проводник уже был в пути. Погибла вся группа Галичука, погибли эти трое. Проводник добрался до места, а там уже такое сильвупле... Хорошо, хоть сам не попался. Два миллиона евро улетели на ветер. А учитывая страховку этих трех специалистов, которую выплачивать придется нашей конторе...

– Галичук допустил промашку, – поморщился Масловский. – Плохо подчистил следы, и спецназ сепаратистов его накрыл. Галичук расплатился за промашку своей жизнью, спросить

не с кого. По нашей информации, сепары даже не поняли, кого убили. Фигуры засекречены, следов никаких.

– Известно, кто проводил операцию?

– Некий капитан Турченко, заместитель Шубина.

– Того самого Шубина? – Паскевич удивленно вскинул кустистые брови.

– Того самого, – кивнул Масловский. – Надеюсь, недолго ему осталось хозяйничать на нашей земле. Про Турченко особой информации нет. Фигура ничем не примечательная, кроме того, что окончил Харьковское военное училище. Не россиянин, служил в украинской армии. Предатель, короче говоря, мелкая сошка, которой этой ночью несказанно повезло...

– Я слышал, с ним было только четверо, – покачал головой Паскевич. – Никого не потеряли, завалили всю группу, а бойцы имели неплохую подготовку...

– Напали внезапно, открыли огонь по спящим. – Масловский отмахнулся, тема была неприятная. – Время исправлять ошибки, Вадим. Прибывающей троице мы должны создать все условия – на этом настаивают западные партнеры. Мы должны их развлекать, сыто кормить, исполнять желания, баб им подкладывать...

– Тьфу. Надеюсь, из самолета они выйдут не под гром аплодисментов. – Паскевича передернуло. – Почему такие сложности, Павел Константинович? Мы не можем найти подходящий материал в собственной стране? Перевелись грамотные специалисты?

– Перевелись, Вадим, – удрученно констатировал полковник. – Вернее сказать, их никогда здесь не было. – Саркастическая ухмылка перекосила лицо полковника. – Хромает у нас качество, как ты говоришь, человеческого материала. Да и что тут обсуждать, приказы не обсуждаются. Пошли встречать наших лучших друзей, самолет прибыл.

Они прошли в посадочную галерею через пограничников и таможенников. В терминале D было немногочленно. Удостоверения сотрудников СБУ действовали безотказно – все проходы через турникеты были открыты, работники аэропорта почтительно отдавали честь. Пассажиры французского рейса, не имеющие крупногабаритного багажа, уже тянулись через галерею. Эти трое почти не выделялись. Они имели лишь ручную кладь – упитанные спортивные сумки за плечами. Двоим было за сорок, третьему – чуть больше тридцати. Подтянутые, коротко стриженные, в небрежных джинсовых костюмах – они шли рядом и даже не делали вид, будто незнакомы друг с другом. У рослого мужчины с массивным носом в волосах поблескивала седина. Он делал беззаботный вид, но глаза внимательно шныряли по сторонам. Вычленил в группе встречающих фигуру Масловского, сбавил ход, вопросительно уставился ему в глаза.

– Вы Джонни? – радушно улыбнулся Масловский. – Мы встречались с вами в Латинском квартале, нет?

Прибывшего звали как угодно, но не Джонни. И в Латинском квартале Масловский если и был, то только в прошлой жизни. Мужчина отошел в сторону, за ним еще двое вышли из тянущейся вереницы пассажиров. Прибывшие и встречающие обменялись рукопожатиями.

– Вадим Паскевич, мой коллега, – представил Масловский спутника. – Хороший специалист, будете работать вместе.

– Генри Хардинг, – представился обладатель массивного носа. Русский язык прибывшие знали сравнительно хорошо, но пока не видели необходимости его применять. Встречающие в достаточной степени владели английским.

– Томас Фуллертон, – буркнул второй, исподлобья озирая украинских коллег. Он имел среднее телосложение, вьющиеся каштановые волосы и вытянутое постное лицо.

– Джерри Янг, – представился третий. Он был моложе всех, имел яйцеобразную голову с залысынами и постоянно жевал резинку. Даже в момент представления он продолжал это делать – видимо, не видел в этом ничего предосудительного (действительно, если это позволено президенту Америки, то почему нельзя ему?).

– Нормально долетели, господа?

– Плохо. Качало, – поморщился Фуллертон. Он действительно выглядел немного бледным. И настроение в этой связи у него было так себе.

– Все в порядке, полковник, – уверил Хардинг. – Просто наш друг боится летать на самолетах.

– Он еще на поездах не летал, – засмеялся Янг, и челюсть его заработала в удвоенном темпе.

– Следуйте за нами, господа, – вежливо улыбнулся Масловский. – Незачем проходить все эти утомительные процедуры. У вас же нет багажа? Вадим, помоги людям, не видишь, что они устали?

Паскевич не изменился в лице, он был в этой компании самой незначительной персоной. Он забрал у прилетевших сумки – те не стали сопротивляться, только снисходительно ухмылялись, – и капитан, навьюченный как мул, потащился за компанией. Все пятеро свернули в неприметную дверь, Масловский снова блеснул корочками. Утомительные процедуры были не для этих гостей. Таможенники и пограничники на всех этапах выхода из здания приветливо улыбались. Один даже пошутил: «Надеюсь, вам понравится в нашей стране, господа». Идея подвергнуть досмотру ручную кладь пассажиров никого не посетила. На шумной парковке перед помпезным зданием аэровокзала гостей поджидал представительный «Мерседес-500» серебристого цвета. Американцы помалкивали, настороженно поглядывали по сторонам. Предложенное авто нареканий не вызвало. Салон был выполнен в бежевых тонах, панель отделана под дерево. Паскевич загрузил сумки в багажник, предложил рассаживаться и сел за руль. Гости загружались неторопливо, словно с какой-то опаской.

– Фу, жарница проклятая... – отдувался, демонстрируя недовольство, Фуллертон. – Господа, это не Африка? Здесь кто-то испытывает климатическое оружие?

Табло на выезде с парковки отражало текущую температуру: 30 градусов по Цельсию. Впрочем, в машине работал кондиционер, и можно было вольготно развалиться.

– Прохладительные напитки, господа? – предложил Масловский, усаживаясь рядом с водителем. – Бар в спинке сиденья перед вами. Есть пепси, есть кока-кола...

– Предпочел бы что-нибудь горячительное, – беззлобно проворчал Янг, вскрывая предложенный вниманию мини-бар. – Ладно, пока сойдет...

Паскевич ловко лавировал между припаркованными машинами. Протащилась вереница одинаковых, как под копирку, белых таксомоторов, полукруглый застекленный фасад терминала «В». Улыбчивые девушки на рекламных плакатах – «Киев витае тебе!». Трасса из Борисполя была не загружена. Впрочем, с приближением к городу машин на дороге становилось больше, появлялись неповоротливые длинномеры, городские автобусы. В салон пробирался запах бензиновых выхлопов. Паскевич раздраженно давил на звуковой сигнал – «Мерседес» оказался зажат между бензовозом и бетономешалкой. Оба никуда не спешили. Насилу вырвались. Паскевич включил на максимум кондиционер, чтобы избавиться от чужеродных ароматов, и вскоре пассажиры стали ежиться, выражать недовольство. Не прошло и трех минут, как «Мерседес» уперся в пробку. Проторчали в ней минут пятнадцать, продвигаясь вперед с черепашьей скоростью. Виновником затора оказалось маршрутное такси, у которого лопнуло колесо. Машину ударило об отбойник, развернуло и швырнуло поперек проезжей части, где она несколько раз перевернулась. Погибших, возможно, не было, но пострадавшие имелись в достатке. Работали спасатели, вытаскивая из покореженной машины раненых. Переливались проблесковые маячки карет «Скорой помощи». Суетились работники дорожной инспекции, организуя движение в одну полосу. Качать права и лезть без очереди было бессмысленно. Паскевич проволочка мимо места аварии и жестикулирующего гаишника. Дальше движение нормализовалось, но настроение уже было омрачено.

– Я уже в восторге от этой страны, – проворчал Фуллертон, озирая из-под бровей пронзающие пейзажи. Хардинг предпочел не комментировать, но язвительно усмехнулся.

– Говорят, здесь еще и уникальный бизнес-климат, – хохотнул Джерри Янг. – Намного лучше, чем на Гаити.

– А это точно Европа? – засомневался Фуллертон. Похоже, этим парням было глубоко безразлично, что вместе с ними в машине перемещаются двое местных работников спецслужб.

– Ага, ты спал в самолете, – гоготнул Янг. – Не стали тебя будить. Это Россия, мой друг. Глухая невоспитанная Азия...

– Неправда, украинцы молодцы, – как бы извиняясь за своих коллег, сказал Хардинг. – Такое великое дело сделали – поднялись дружно, как один, за свою свободу и независимость от пьяного российского медведя. Это храбрая свободолюбивая нация, мы склоняем головы перед ее мужеством...

– Да, мы молодцы, четко все сделали, – еле слышно прошептал Паскевич. – Вышли на Майдан, добились ухудшения жизни по всем показателям, потеряли Крым, Донбасс и довольные разошлись... Вашими молитвами, господа хорошие...

Его мог слышать только Масловский. Павел Константинович неодобрительно покосился, но промолчал. Определенную вольность в общении с «особо приближенными» он допускал. Слова – это одно. Да и правильные слова, черт возьми! Главное, что у него не было ни малейших оснований усомниться в верности Вадима Паскевича – слишком многое их связывало.

Гоготнул над словами шефа и яростно заработал челюстями Янг. Полковник стиснул зубы, мельком глянув на него в зеркало заднего вида. Все нормально, распространенный тип людей – которых хочется прибить после первой же минуты знакомства! До града Киева, древней столицы Руси, «Мерседес» не доехал, за населенным пунктом с располагающим названием «Щасливе» ушел направо на грунтовку, какое-то время петлял между симпатичными березняками, проехал сквозь коттеджный поселок. На его окраине был лесок, в котором за высоким забором располагался нужный дом. Он не имел сложных архитектурных решений, не привлекал внимание со стороны. Стены покрывал обычный сайдинг «под бревно». В доме имелись два просторных этажа, а во дворе сопутствующие развлечения – рубленая финская баня, бассейн, места для отдыха со столиками и шезлонгами. Заскрипели, отворяясь, ворота, обитые кованым железом, – охранник в штатском впустил гостей и сразу заперся. Любопытством этот парень не страдал – не оборачиваясь, побрел по периметру.

– Это, видимо, украинская деревня, – предположил, выбираясь из машины, Янг. – Ну, что ж, чистенько, почти как у нас на ферме в Миссури. – Он придирчиво обозрел подметенный двор, переливающуюся на солнце воду в бассейне.

– О, здесь, похоже, знакомы с нуждами простых американских парней, – удивился Фуллертон, обнаружив на крыльце двух улыбающихся девушек. Их фигуры не могли испортить даже расписные передники и наброшенные на предплечья рушники.

– А это, так сказать, контингент заведения, – многозначительно хмыкнул Масловский, переглянувшись с Паскевичем. – Наши милые сотрудницы: повар Ирина Корненко – она готовит превосходные буррито; и горничная, она же официантка, Леся Зализняк. Надеюсь, вам понравится обслуживание, господа. К вашим услугам уютные апартаменты на втором этаже, полностью удовлетворяющие даже самый взыскательный вкус; разнообразное меню, лучшие напитки, многочисленные виды, хм, досуга с участием нашего отзывчивого и квалифицированного персонала... В подвале есть спортзал с тренажерами, небольшой тир. К вечеру, господа, вам натопят баньку.

– Однако не забываем, полковник, для чего мы прибыли, – проворчал Хардинг, с усилием отводя глаза от фигуристых одалисок. В глазах осталась толика недоумения: странный народ эти украинцы, как можно не сообразить, что два на три не делится?

– Мы даже помним, во сколько это обходится нашим налогоплательщикам... – прошептал, отворачиваясь, Паскевич. Краснеть за подчиненного не пришлось – очередной перл не достиг ушей американцев.

– Вы прибыли для участия в ответственной миссии, – учтиво кивнул Масловский. – Сейчас вас проводят в ваши апартаменты, господа. У каждого будет свой уютный номер. Вам хватит часа отдохнуть с дороги? Через час предлагаю встретиться в гостиной и обсудить предстоящую работу.

Претензий к качеству обслуживания не возникло. Украинцы старались. Особняк на краю поселка Шахово был образцово-показательным, идеально функционирующим объектом с долгой историей. Через час вся компания с удобством расположилась в гостиной на первом этаже, обставленной дорогой мебелью. Гости помылись и переоделись. Янг развалился на диване, взгромоздив ноги на хрупкий стеклянный столик. Он продолжал жевать – похоже, половину привезенного с собой багажа занимала жевательная резинка. Фуллертон зевал в углу в кресле. Хардинг выглядел наиболее собранным, он вышагивал по комнате с зажженной сигаретой и о чем-то думал. У окна с непроницаемой миной расположился Паскевич – скрестил руки на груди, исподлбья созерцая присутствующих.

– Надеюсь, господа, вас все устраивает, – откашлявшись, начал Масловский. – И качество обслуживания, и предоставленные номера. Теперь давайте к делу. Знают ли господа американцы, зачем прилетели в Украину и с какими опасностями это может быть связано? Не хочу никого пугать, но иметь дело придется с русскими.

– Мы должны победить дракона? – ощерился Янг.

– Пугать не надо, полковник, – резко повернулся Хардинг. – И давайте обойдемся без глупых вопросов... прошу прощения за резкость. Нас устраивает прием, нас устраивает все – и даже мелкие недочеты, на которые мы готовы закрыть глаза. Здесь присутствуют профессионалы высочайшего уровня, добровольно вызвавшиеся помочь вашему страдающему народу... кажется, так говорят медиа? Не будем упоминать условия контракта – о них известно всем присутствующим. Не будем вспоминать печальную судьбу наших предшественников, которых сгубила халатность ваших людей и незнание элементарных основ безопасности...

– Прошу прощения, мистер Хардинг, – перебил Масловский. Он выглядел немного смущенным. – Виновные в этом постыдном поступке наказали сами себя. Подобное не повторится, заверяю вас со всей ответственностью. Мы приложим к этому все старания.

– Хорошо, – кивнул Хардинг. – Позвольте несколько вопросов, мистер Масловский. Уже известны цели?

– Да, – кивнул Масловский. – В Луганской области это – несколько командиров крупных террористических соединений, влиятельный представитель бандитской власти – так называемый народный депутат Верховного Совета ЛНР. Далее – Донецкая область. Цели – также представители высшего командования сепаратистов, уничтожение которых нанесет их движению непоправимый вред. Это будет первый шаг к ликвидации незаконных бандитских формирований на земле молодой суверенной республики...

Шевельнулся Паскевич, собравшись вставить ехидный комментарий (видимо, по поводу «законных» бандитских формирований), но передумал – и правильно сделал.

– Не стоит грузить вас раньше времени фамилиями и адресами этих людей, а также нашими соображениями касательно их устранения. Вы можете ими воспользоваться, а можете поступать по-своему, будучи профессионалами высочайшего уровня...

Прозвучало несколько ехидно, американцы насупились, но решили не вступать в полемику. Возможно, это и не было ехидством, что они могли знать о странностях славянского менталитета?

– Каждая операция нуждается в тщательной подготовке. Вам придется изучить карты местности, знать расположение населенных пунктов, вникнуть в особенности мышления

людей на востоке нашей страны. Через несколько дней вас перебросят на территорию, подконтрольную мятежным силам. Ваша база будет располагаться в поселке Верховец у верных нам людей. Прикрытие – высокопоставленный офицер так называемой армии ЛНР. Это одна из северных территорий, занятых боевиками. От границы – 30 километров. До Луганска – 40. Район густонаселенный, невзирая на обширные леса. Поблизости деревни Вордовка и Свита, города Ждановка, Аметист, Проклов. В районе базируется одно из наиболее боеспособных соединений боевиков – бригада «Крым». Командир – весьма опасный субъект Порохов Григорий Андреевич, россиянин, полковник запаса, бывший начальник штаба мотострелковой дивизии. В подчинении командования бригады – батальон спецназа, отведенный после начала перемирия от линии фронта и расквартированный в Аметисте. Командир – майор Вячеслав Шубин. Это не тайна, оба упомянутых субъекта, ввиду своей опасности, являются нашими... вернее, вашими целями...

– Опустим пока подробности, полковник. Надеюсь, нам выделят проводника? – спросил Хардинг.

– Конечно, сэр, – кивнул Масловский. – Он находится в этой комнате. Господин Вадим Паскевич будет вашим проводником, шофером, связным, доверенным лицом и, надеюсь, верным боевым товарищем. Это опытный сотрудник, хорошо знакомый с местностью и спецификой предстоящей работы.

Критические взоры всех присутствующих скрестились на прильнувшей к подоконнику фигуре. Паскевич не смутился, сдержанно кивнул. Он выглядел спокойным и невозмутимым.

– В чем заключается ваш опыт, мистер Паскевич? – поинтересовался Фуллертон.

– Афганистан – разведывательный взвод, снайпер, – бесстрастно отозвался Паскевич – В 89-м, когда советские войска покинули Афганистан, мне исполнилось двадцать. Служба по контракту, спецподразделение, в 96-м полгода воевал в повстанческой освободительной армии Джохара Дудаева. Та же должность – снайпер. Несколько успешных диверсионных мероприятий. Командировки в Чечню в начале двухтысячных... вы, конечно же, знаете, что осуществлялись не афишируемые контакты СБУ с руководством сепаратистов. Далее – закрытая тренировочная база под Волынью – руководил подготовкой бойцов специальных частей, попутно совершенствуя собственное мастерство. Несколько лет проходил службу в группе «А» центра специальных операций СБУ. Летом 2014-го в составе спецподразделения СБУ участвовал в боях под Славянском и Краматорском. Перевод в Киев, и снова в составе ЦСО СБУ...

– Хорошо, мы вам верим, Вадим, – кивнул Хардинг. – Надеюсь, нам удастся посоревноваться с вами в стрельбе.

– И не только в стрельбе, – сухо улыбнулся Паскевич.

– Первое, что нас интересует, господа, – это оружие, – сказал Хардинг. – Что вы можете предложить, полковник?

– Любые снайперские винтовки на выбор, сэр. Все новенькое, только со склада. Запас боеприпасов – неограничен.

– Любые не пойдут, – решительно покачал головой Хардинг. – Работать придется в зоне, контролируемой русскими, значит, и оружие должно быть советского или российского производства.

– Лично я предпочел бы снайперскую винтовку Драгунова калибра 9,3, – подал голос Янг. – Или ВСС «Винторез».

– Не пойдет, Джерри, – подумав, отверг Хардинг. – На полигоне в Миссури это был бы неплохой выбор, согласен. Но здесь... Мы не знаем, с какого расстояния придется стрелять и каким образом будем доставлять оружие на рабочее место. Прицельная дальность СВДК – 600 метров, у «Винтореза» – 400. Это мало. Нужны СВДС – со складным плечевым упором. Оружие относительно новое, разработано в 1995 году, имеет небольшой вес при утолщенных стенках ствола и позволяет вести прицельный огонь с 1300 метров. В комплект необходимо

поставить прицелы – ночной НСПУМ и дневной ПСО-1. – Хардинг усмехнулся. – Мой любимый не запотевающий прицел. Надо отдать должное русским – эти штуки эксплуатируются во многих странах еще с шестидесятых, и до сих пор их никто не превзошел. . .

– Хорошо, сэр, я понял, винтовки будут доставлены, – кивнул Масловский. – Это будет сделано уже сегодня.

– Надеюсь, вы понимаете, полковник, что оружие надо проверить и пристрелять? – поинтересовался Хардинг. – На вашем месте я бы доставил винтовок шесть, а мы уж выберем.

– Дайте подумать, господа. . . – наморщил лоб Масловский. – Хорошо, сегодня вы отдыхаете, а завтра с утра мы можем организовать вам поездку на полигон Доборот. Это 12 километров к югу от Киева, там имеются специально оборудованные стрельбища. На полигоне тренируется спецназ, но сейчас там только мобилизованные новобранцы, они находятся в казарменной части, а в секторе подготовки бойцов спецназа – никого. Я распорядюсь, и к нашему приезду будет все готово. В секторе оборудовано специальное стрельбище, находятся различные мишени. Идеальное место для проверки оружия.

Засмеялся Джерри Янг. Криво усмехнулся Фуллертон. Генри Хардинг состроил снисходительную улыбку, покачал головой, давая понять, что раздосадован несообразительностью украинских коллег.

– Нет, мистер Масловский, вы не поняли, – как-то вкрадчиво ослабив голос, произнес Хардинг. – По фанерным мишеням пусть стреляют ваши новобранцы. Нам же для проверки качества оружия требуются. . . живые мишени. Вы понимаете, что я имею в виду?

Украинские коллеги все поняли. Впрочем, после краткого замешательства. Вадим Паскевич удивленно поднял брови. Пристреливать оружие по живым мишеням? Какой, право, авангардизм. Полковник Масловский как-то смущенно покашлял.

– Просьба уточнить, мистер Хардинг. Вы хотите стрелять на полигоне боевыми патронами по живым людям – как если бы они были неподвижными мишенями?

– Есть возражения? – оскалился Джерри Янг.

– Им вовсе незачем быть неподвижными мишенями, – пожал плечами Фуллертон. – Пусть бегают, прыгают, прячутся, если есть на то желание. Продумайте уединенное место, без зрителей, обеспечьте безопасность. Что-то вроде сеанса стендовой стрельбы, только вместо тарелочек должны быть живые мишени, совершающие бег с препятствиями от старта до финиша, а вместо дробовиков – снайперские винтовки СВДС.

– Мишени должны быть молодые, здоровые, имеющие опыт боевых действий, – добавил Хардинг.

– Надеюсь, вы не собираетесь давать им в руки оружие? – проворчал Паскевич.

– О нет, Вадим, до этого не дойдет, – засмеялся Янг. – Для этого нужно быть слишком азартным и увлекающимся игроком. А мы простые профессионалы. Вам же есть кого предложить в качестве объектов охоты? Какие-нибудь никчемные бродяги, уголовные преступники. . .

– Никчемные бродяги с опытом ведения боевых действий – это прелестно, Джерри, – улыбнулся Фуллертон.

– Я знаю, чем могу вам помочь, – вышел из минутного оцепенения Масловский. – Под Киевом, в местечке Кантеевка, в изоляторе местного отделения СБУ содержится группа опасных преступников – так называемых ополченцев Донецкой Народной Республики. Сидят за решеткой уже несколько месяцев, к ним не применяются пытки, их нормально кормят. Часть этих людей числится пропавшими без вести. Их взяли в плен в начале февраля под деревней Ростовкой, они пытались пробраться в тыл нашей минометной батареи, чтобы провести диверсию. . .

– Сами сдались? – спросил Хардинг.

– Нет, поначалу их было не меньше дюжины. У террористов в руководстве был наш человек, он предупредил. Мы устроили засаду и окружили их. Шел тяжелый бой, террористы отби-

вались до последнего патрона, половину мы уничтожили. Оставшихся шестерых взяли в плен, когда им нечем стало обороняться. Эти сволочи положили четверых наших. Конечно, после пленения парни их хорошенько избили, но никто не получил необратимых травм...

– И после этого их не пытаются и хорошо кормят? – удивленно поднял брови Фуллертон, – уже четыре месяца?

– А если бы сдались, это что-нибудь изменило бы? – хохотнул Янг.

– Вы уверены, что они здоровы? – спросил Хардинг.

– Думаю, да, – кивнул Масловский.

– Почему их не обменивают на пленных украинских солдат, а держат как пропавших, значит, по факту, погибших? – настаивал Янг. – У вас имелись на них особые планы?

– Надо мной есть начальство, – насупился Масловский. – Оно решает судьбы пленных. Если на них имелись некие виды, то я попробую уладить проблему...

– Видимо, виды были связаны с неплохими деньгами, – оскалился весельчак Янг. – Органы здоровых людей нынче в хорошей цене.

– Это не мое дело, – смутился Масловский.

– Ладно, не будем уводить беседу в сторону, – миролюбиво сказал Хардинг. – Мы верим, что эти шестеро – живы, здоровы, весьма злые и являются заклятыми врагами украинского общества. Подготовьте оружие и полигон, полковник. День еще не кончился, вы успеете. Проверка завтра в 11 утра при любой погоде. Живцы должны быть накормлены, проследите, чтобы они полноценно отдохнули, оденьте их в удобную одежду, не стесняющую движений, – желательно спортивную. Обуйте в кроссовки. Никаких наручников, ничего им не говорить, пусть думают, что их везут обменивать на ваших военных. Общение с ними – исключительно доброжелательное.

– Хорошо, я все сделаю, мистер Хардинг, – помявшись, выдавил Масловский. – Завтра в десять утра Вадим отвезет вас на полигон. Будьте готовы. Сегодня он останется здесь – для обеспечения безопасности и вашего комфорта. Отдыхайте, господа, надеюсь, вам не будет скучно в этом особняке.

Масловский убыл в Киев – ему становилось дискомфортно в этой компании «добропорядочных» людей. Паскевич тоже как-то незаметно выскользнул из гостиной. Американцы скушать не стали. С молчаливого согласия Хардинга Фуллертон вскрыл настенный бар, откопал бутылку незатейливого скотча. Джерри зазвенел бокалами из божьего стекла.

– Не забываем, господа, что находимся в чужой стране и завтра работаем, – напомнил Хардинг, одобрительно уставившись на золотистую жидкость, вытесняющую пустой объем бокала.

– Шеф, мы когда-нибудь забывали про работу? – удивился Янг.

Виски, как ни странно, оказался не подделкой. Американские наемники не были сибаритами, но всегда считали, что в жизни и работе нужно придерживаться определенных стандартов – и планку устанавливали довольно высокую. Это русские пусть копаются в грязи и работают в нечеловеческих условиях, а для нации, считающей себя венцом эволюции, такое неприемлемо. Уровень жидкости в бутылке стремительно упал. Фуллертон включил телевизор, висящий на стене. Транслировались украинские «Горячие новости», «перемирие» шло полным ходом – террористы за день свыше пятидесяти раз обстреляли из тяжелого вооружения мирные украинские города и позиции украинских войск, которые настолько миролюбивы и привержены минским соглашениям, что ни разу не ответили на провокацию! В кадре дымилась обломки разрушенных зданий, ревели сирены «Скорой помощи». Вооруженные люди в камуфляже вытаскивали из-под руин пострадавших от обстрела мирных жителей. Эпизод был недолгим. Но времени хватило, чтобы разглядеть на рукаве одного из военных промелькнувшую трехцветную нашивку мятежной республики. Непростительный ляп того, кто монтировал эпизод! Сам проглядел, начальство проглядело...

– Шеф, вы верите в информацию, которой нас пичкают в медиа? – лениво спросил развалившийся на софе Джерри. Он поднял бокал на уровень окна и с прищуром любовался красочными переливами света и жидкости.

– Джерри, стоит ли возвращаться к этой глупой теме? – пожал плечами Хардинг. Он тоже расслабился, получал от жизни удовольствие. – Все эти ужасы – для обывателей, которым лень пошевелить мозгами, или для тех, кто в корне не приемлет информацию с другой стороны, какая бы она ни была. Мы все прекрасно знаем, что происходит. Существуют интересы нашей страны – а это главное, ради чего допустимо все, в том числе ложь.

– О да, мы патриоты своей страны, это не обсуждается. – Зубы у Джерри были ровные, белые, и он охотно их демонстрировал. – Нас даже не волнует, сколько нам заплатят за неделю работы в боевых условиях. – И простодушно засмеялся.

Как по щучьему велению, появились две стройные аппетитные девушки в несурзных передниках – они призывно улыбались и прекрасно говорили по-английски. Не желают ли господа пообедать? Имеются блюда национальной украинской кухни, а если господ они чем-то не устраивают, то можно предложить мексиканское буррито, американскую пиццу, итальянскую лазанью – и великое множество других блюд, для приготовления которых, впрочем, потребуется некоторое время. «А кроме еды что может быть предложено?» – засмеялся Джерри, принимая на софе недвусмысленную позу. «Предлагается ВСЕ», – кокетливо покривлялась повараха Ирина Корненко и убежала на кухню готовить деликатесы из полуфабрикатов. Гости маялись от безделья, Фуллертон навестил спортзал, Янг с Хардингом – бильярдную. Предложенные блюда были действительно безупречны. Слова «вареники», «галушки» и «картопляники» скверно произносились, но обозначаемые ими блюда неплохо съедались и усваивались. Недоумение вызвало сало, выложенное колечками, и к нему решили отнестись как к несъедобному элементу сервировки стола. После сытного обеда удовольствия продолжились. Джерри поймал за руку бегающую вокруг стола горничную Леся – она сделала виток вокруг своей оси и, ойкнув, приземлилась ему на колени. Джерри придиричиво ее ощупал, изучил все выпуклости, впадины и в принципе остался доволен.

– Давайте предадимся греху? – манерно поинтересовался Джерри.

– Ой, простите, я пока занята, – пропищала девица, кокетливо поведя бедрами. – Мне нужно убрать со стола.

– Полчаса, крошка. – Джерри сбросил ее с коленей и шлепнул по задку. – Живенько сделай дела, прими душ, накрасься – и милости просим в мой номер.

– А я не крашусь, – хихикнула горничная.

– Гы-гы, какого мы о себе мнения, – хохотнул Янг. – Хорошо, беби, можешь не краситься, ты вроде не страшная. Не забудь презервативы. Думаю, трех будет достаточно.

– А можно я с кузнецом приду? – рассмеялась Леся и, призывно поведя попкой, побежала заниматься хозяйством. Джерри озадаченно почесал затылок. С кузнецом? Что имела в виду эта чертовка? Как интерпретировать выражение «Can I with the blacksmith will come?» Одно из местных идиоматических выражений, будь они неладны? Впрочем, последующее общение с «отзывчивой» горничной Янгу понравилось. Пригодились все три резиновых изделия – в перерывах между сеансами Джерри пил виски, смотрел спортивный телеканал и доставлял горничной физическую и моральную боль, которую она стоически терпела, поскольку дорожила своей работой, приносящей в сложное время неплохую копеечку. Девушка даже льнула к нему, ластилась, изображая голодную кошку, с трудом сдерживая отвращение и думая о том, до какой же степени нужно любить свою работу! Фуллертон забрел на кухню, когда повараха Ирина Корненко заканчивала приборку перед очередной готовкой. Он взял ее прямо на разделочном столе – среди перьев лука и чеснока, листьев шалфея и горчичного салата. «Натюрморт» получился на редкость качественным – женщина стонала и извивалась, как косуля, попавшая в медвежий капкан. А гость в темпе барабанного боя цокал языком, смеялся и колотил ее по мягким

тканям стальной поварешкой, оставляя выпуклые синяки. Генри Хардинг утехам своих подчиненных не препятствовал. Сам он редко принимал участие в подобных забавах, поскольку считал себя примерным семьянином и высокопорядочным человеком. Он слонялся по дому, морщился, когда что-то из увиденного нервировало его душевную организацию. Он позвонил жене в Оклахому, уверил верную хранительницу очага, что у него все в порядке, он находится в Венгрии, где участвует в разработке проекта моста через Дунай (будучи абсолютно уверенным, что его Келли понятия не имеет, в какой части света находится Венгрия и что такое Дунай). Он обошел дальней дорогой бильярдную, где Фуллертон и повариха решили продолжить свои занятия и исполняли наперебой сложную двухголосую партию. С террасы с видом на симпатичные сосны он позвонил своему парижскому шефу Паулю Горману – единственному компетентному человеку в организации, способному манипулировать одновременно несколькими объектами.

– Я понял, Генри, – отозвался Горман, выслушав отчет о первом дне «командировочных». – Увы, в сложившейся ситуации я больше ничем не могу облегчить ваше существование. Вы – профессионалы, надеюсь, справитесь с поставленной задачей. Полковник Масловский, с которым вы имеете дело, конечно, не семи пядей во лбу, но настырный карьерист, вцепившийся в свое кресло, и будет вынужден работать добросовестно. Он боится вышестоящего начальства, хотя корчит из себя эдакого независимого парня. Он не самонадеян, в отличие от большинства своих коллег, и каждое дело начинает с подстраховки. Вы довольны свалившимся вам на голову бытовыми условиями? – рассмеялся шеф.

– Да, сэр, в первом приближении терпимо, – уклончиво отозвался Хардинг.

– Я слышу странный шум, – насторожился Горман. – У вас режут свинью? Я слышал, в Украине это самое популярное животное?

Шум был вызывающе странным. Хардинг прикрыл трубку ладонью. Он стоял на террасе, но даже сюда долетал надрывный женский визг из бильярдной. Похоже, совокупляющиеся решили закончить свои дела в дверном проеме.

– Свинью не режут, мистер Горман, – смущенно пробормотал он. – На свинье отрабатываются действия сексуального характера... Прошу прощения, сэр, мои подчиненные сегодня слишком громко отдыхают.

– Надеюсь, они не будут так же громко работать? – хмыкнул шеф и поспешил разъединиться. Хардинг пожал плечами. Вопрос был явно риторическим. В профессионализме членов группы никто не сомневался – в этом коттедже собрались лучшие.

Глава 3

Утро красило нежным светом макушки пушистых сосен, играло в стеклах баньки и летних домиков. Янг поднялся первым – когда вся округа еще спала, делал разминку на террасе.

– Мир прекрасен без людей, верно, шеф? – подмигнул он Хардингу, когда тот, позевывая, возник на террасе. – Вам этот вид не напоминает глушь Северной Дакоты?

Появился заспанный Фуллертон, исподлобья озирает окрестные красоты. Поежился – утро выдалось прохладным, хотя дальнейший день синоптики обещали жарким и душным.

– За работу, господа, – скомандовал Хардинг. – Время отрабатывать гонорары и внести свой вклад в дело развития демократии на планете. Через час все должны быть в полной готовности.

Сексуально измученная горничная (Джерри, нажавшись виагры, гонял ее по дому до полуночи) уже носилась по коттеджу, наводила порядок. В сторону прекрасного пола сегодня не смотрели – просто часть декора. На кухне такая же подуставшая Ирина готовила завтрак. Набор стандартных утренних процедур: зарядка, получасовое занятие в тренажерном зале, бритье, бассейн, плотный завтрак, облачение в свободную, не стесняющую движений одежду. Появился Паскевич с постной миной, осведомился про самочувствие и настроение. Работник СБУ отлично знал свое дело – все время находился рядом, но никто его не видел. Этому неглупому парню американцы решили не хамить – все-таки проводник, работать с ним придется в одной упряжке.

– Все отлично, Вадим, – улыбнулся Хардинг. – Надеюсь, вы тоже хорошо отдохнули?

– Спасибо, я спал всю ночь, – с дежурной улыбкой соврал Паскевич. – Только что звонил полковник Масловский – сообщил, что все готово и мы можем подъехать на полигон. Вам понравится это место, господа. Стрельбище приватное, имеет несколько степеней защиты от посторонних глаз и расположено в живописном уголке на берегу Днепра. Через тридцать минут подойдет микроавтобус, и вас доставят к месту проверки оружия.

Ровно в десять группа высококвалифицированных снайперов загрузилась в минивэн, оснащенный кондиционером, шторками и холодильником с прохладительными напитками. Дорога заняла порядка часа. Молчаливый водитель ушел с шоссе и долго плутал по грунтовым и щебеночным дорогам. Экскурсовод из Паскевича был неважный – он сидел рядом с шофером и мрачно смотрел в окно, произнес за всю дорогу лишь одну фразу: «Все в порядке, господа? Вам удобно?» Дискомфорта никто не ощущал. Неприглядные «красоты» окрестностей столицы воспринимались спокойно. Эти люди работали и в недоразвитых африканских государствах, и в бедной Азии, и в трущобах Венесуэлы и Бразилии, удивить их мусорными свалками, бетонными заборами и ямами в асфальте было невозможно. Но вскоре досадные элементы ландшафта сгладились, дорога запетляла по полю, окаймленному хвойными лесами. Заголубел Днепр, впрочем, его быстро заслонил лесистый холм. Полигон огораживала стена кустарника и двойной ряд колючей проволоки. «Стій, заборочена зона!» – грозно информировали надписи на фанерных щитах. У ворот «делегацию» поджидал полковник Масловский – он прогуливался рядом с помпезным внедорожником и нервно курил. Рядом с джипом стоял неказистый минивэн «Хонда», поодаль курили двое крепких парней в защитном. Заднее стекло микроавтобуса было забрано решеткой.

– Следуйте за нами, господа, – сказал Масловский.

Кавалькада из трех машин проехала под взлетевшим шлагбаумом. Несколько минут машины объезжали затрапезные бараки, похожие на фермы, огороженные стрелковые зоны, полосы препятствий, на которых в этот день никого не было, кроме персонала. Нужный участок запретной зоны находился в дальнем конце полигона и примыкал к обрыву над Днепром. Периметр окружал массивный забор. Снова шлагбаум, хмурая охрана, по лицам которой сразу

было ясно, что она не любит чесать языком. За воротами открылось поле, изрытое неглубокими оврагами, рукотворными траншеями, неким подобием блиндажей, кустились заросли невысоких прибрежных растений. Вздмались фанерные мишени, символизирующие идущих в атаку автоматчиков. Мишени были раскрашены в цвета российского триколора. До противоположной ограды, увенчанной датчиками, изоляторами и колючей проволокой, было не меньше пятисот метров. Слева полигон упирался в крутой косогор над обрывом, справа стояли серые строения, стенды для стрельбы, несколько столов, составленных в линию. Туда и покатила кавалькада, объезжая неровности местности. Над полигоном возвышались две наблюдательные вышки, местность с них просматривалась как на ладони. Вышки не пустовали – мерцали силуэты автоматчиков, на оружии поблескивали оптические прицелы. Джерри одобрительно заурчал – все-таки приятно находиться под защитой. Полигон был незатейлив, но являлся универсальным местом подготовки – тут можно было отрабатывать стрельбы в условиях пересеченной местности, устраивать погони и ловушки, играть в пейнтбол...

На столах лежали винтовки – вороненые, поблескивающие заводской смазкой. Рядами были разложены оптические прицелы ПСО-1, коробчатые магазины на десять выстрелов, заправленные патронами калибра 7,62. Хардинг сделал знак Масловскому – пока не спешить с высадкой мишеней. Несколько минут американцы, критически похмыкивая, перебирали стрелковые принадлежности, вытирали ветошью смазку. Хардинг прикрепил к винтовке прицел, покрутил валик настройки. Возможно, он был ретроградом, но этот прицел предпочитал прочим – разработанный в СССР специально для СВД, он имел удачную прицельную сетку, позволяющую снайперу быстро определять расстояние до цели и брать необходимые горизонтальные поправки по ходу стрельбы, не касаясь маховиков. Устройство было герметичным, наполнено азотом, что предохраняло от запотевания оптики. В комплекте имелось все необходимое: чехол, светофильтры, запасные лампочки и источник питания. Прицел работал практически во всех диапазонах температур, существующих на планете. Хардинг откинул плечевой упор, вставил в гнездо магазин с боеприпасами, передернул затвор. Поискал мишень в оптический прицел – в качестве таковой сгодилась одинокая ромашка, растущая на далеком косогоре. Он затаил дыхание, прицелился. Руки слегка подрагивали – ничего страшного, он не применял локтевой упор. Сухо треснул выстрел. Ромашка исчезла. Хардинг удовлетворенно крикнул. Возможно, и не будет необходимости править прицел. Рядом прогремел еще один выстрел. Джерри стрелял без оптики. Вздогнула дальняя мишень на обрыве, словно подстреленный солдат, покачалась и упала.

– Неплохо, – заметил Фуллертон, прилаживая магазин к своей винтовке. Хлопнул выстрел – мишень повалилась, как подкошенная.

– Спасибо, полковник, вы доставили именно то, что надо, – обратился Хардинг к Масловскому. – Это оружие мы возьмем с собой. Надеюсь, не будет проблем с перевозкой его через границу?

– Не будет, сэр. – Масловский, похоже, немного обиделся. – Вы используете неправильные термины, мистер Хардинг. Граница Украины едина, ее никто не пересматривал и не собирается. Речь идет о территории Украины, временно оккупированной пророссийскими бандами.

– Разумеется, полковник, – покладисто согласился Хардинг. – Надеюсь, вы не обиделись? Я не хотел наступить на вашу больную мозоль. Выгружайте, полковник – кого вы там привезли. Оружие неплохое, и все же требуется его проверить в реальных условиях.

Под прицелом автоматчиков из зарешеченного отсека «Хонды» выбрались люди. Их было шестеро, мужчины, все одеты в застиранные спортивные костюмы явно с чужого плеча и потрепанные кроссовки. Автоматчики отрывистыми командами выстраивали их в шеренгу. Мужчины были бледны, растеряны, затравленно озирались. Это было не то, что им обещали. Американцы, испытывая любопытство, подошли ближе. Винтовки они оставили на столах.

Охраны хватало, чтобы чувствовать себя в безопасности. Узники смотрели на них исподлобья, переминались с ноги на ногу.

– В чем дело, вы? – мрачно проворчал невысокий смуглый крепыш с азиатскими чертами лица. – Что за хрень? Нам сказали, что нас будут обменивать на пленных украинских солдат. Где мы находимся?

– Все в порядке, уважаемый, – улыбнулся Масловский. – Не надо волноваться. Вы находитесь именно там, где должны находиться.

Пленники озабоченно переглянулись.

– Представьтесь, пожалуйста, – на сносном русском, но с заметным акцентом попросил Хардинг. Он намеренно использовал доброжелательный тон – вовсе незачем показывать неприязнь или брезгливость. Тем более он их не испытывал.

– А это еще зачем? – проворчал мужчина. Небритые скулы напряглись и побелели.

– Для статистики, – усмехнулся Паскевич. – Не бойтесь, любезный, это же не секрет? Утолите любопытство наших друзей, они хотят знать, против кого сражается украинская армия.

– Дерьмократы, блин, хреновы... – Пленный презрительно сплюнул под ноги сквозь дыру на месте выбитого зуба. Он поднял голову, как-то приосанился. – Багир Агишев, родом из Татарстана, с восьми лет живу в Луганске, работал на шахте...

– В армии служили? – перебил Хардинг.

– Нет, – покачал головой пленный. – Не прошел по здоровью, плоскостопие. Хотя смотря какую армию вы имеете в виду... – Небритые губы искривила язвительная гримаса. – Я с большим удовольствием служил в армии, которая уничтожает карателей, бомбящих наши города и убивающих мою мирную родню...

– Опустим ненужные подробности, – поморщился Хардинг. – Здесь вам не агитационная площадка. Вы хорошо себя чувствуете? Плоскостопие не мешает заниматься физическими упражнениями?

– Ты кто такой? – процедил Агишев. – Что за фигень? На хрена нас сюда привезли?

– Доброе утро, любезный, у вас, наверное, тоже имеются имя и фамилия? – Хардинг подошел к следующему ополченцу. Тот стоял, расставив ноги, руки держал за спиной. Зарубцевавшийся шрам под глазом и фиолетовый синяк под другим не мешали смотреть прямо и с вызовом.

– Николаев Сергей, тоже из Луганска, – хрипло отозвался пленный. – Водитель рейсового автобуса, восемь лет назад демобилизовался из украинской армии.

– Почему не продолжаете водить свой автобус? – удивился Хардинг. – Зачем вы пошли в банду?

– Взорвали ваши слуги мой автобус, – усмехнулся Николаев. – Разбомбили на конечной остановке, когда в него пассажиры садились, а я отлить отошел. Семеро погибли, и автобус в хлам. Потом выяснили, что стреляли снарядом 120-го калибра из поселка Юрьевка, где стоял артдивизион карателей...

– То есть вы считаете, что поступили правильно, записавшись на службу в незаконное вооруженное формирование? – вступил в беседу Фуллертон, также в достаточной мере владеющий русским языком. – И выступили против законной власти, избранной украинским народом? Вы считаете себя правым?

– У каждого своя правда, – оскалился Николаев. И добавил с язвительным нажимом: – Сэр.

– Правда всегда одна, – как бы между прочим пробормотал мнущийся в стороне Паскевич. – Это сказал фараон...

– Вы? – обратился Хардинг к следующему ополченцу. Худощавый парнишка лет семнадцати нервно сглотнул, как-то вздрогнул. На щеке еще сохранилась фиолетовая припухлость от недавнего избиения. Он выглядел изнуренным, подавленным.

– Владимир Ситник, – ломающимся басом отозвался подросток.

– Вовочка, деточка, – ухмыльнулся Масловский, – ты школу хоть окончил?

– Да... Суки, ничего вам больше не скажу! – внезапно взвизгнул юноша. – Вы моих родителей убили! – Он дернулся, стиснув кулаки, но порыв прошел, когда стоящий сзади охранник ткнул ему в спину прикладом. Юнец закашлялся, зашатался, стоящий рядом рослый тип с рыбьим лицом успел подхватить его.

– М-да, тяжелый случай, – приглушенно прокомментировал Паскевич.

Американцы продолжали проявлять любопытство, граничащее с издевкой. Почему-то им стало очень интересно, кого они собираются расстреливать. Рослый тип представился Анатолием Рыткиным – 34 года, бывший сварщик из донецкой строительной компании. Когда-то он отслужил в рембате, в Донецке осталась семья – жена, двое детей, парализованная мать. Он отправился на фронт, вместо того чтобы кормить семью, поскольку искренне считал, что родную землю надо защищать. Он вел себя невозмутимо, на вопросы отвечал четко, только дерганье глаз выдавало волнение.

– Странно, – задумчиво сказал Джерри. – Мне, конечно, плевать, но наши медиа неустанно твердят, что на Украине воюет регулярная российская армия, которую целыми соединениями переправляют через границу. А еще воюют местные маргиналы – алкоголики, наркоманы, уголовные преступники, любители легкой наживы – но их немного. А мы видим только местных, которые не очень похожи на маргиналов. Не странно ли, шеф?

Хардинг пожал плечами. Масловский украдкой поморщился. Информацией о положении дел в зоне конфликта он владел в полном объеме. Кадровых российских соединений там действительно не было. Президент Украины с трибуны Евросоюза может сколько угодно махать российскими паспортами, якобы конфискованными у пленных и мертвых – у знающих людей это вызовет лишь улыбку (у солдат нет паспортов). Российские военные прибывали как добровольцы, и их рассредоточивали по разным подразделениям. И это еще полбеды. Настоящей напастью становилась сдача в плен украинских военнослужащих с их дальнейшим поступлением на службу к террористам. Каким калачом их туда заманивали, непонятно, но многие из этих отщепенцев под воздействием пропаганды сепаратистов воевали не за страх, а за совесть и становились злейшими врагами молодой украинской государственности. И не только рядовые да младшие командиры. Бывший помощник министра обороны Украины генерал-майор Александр Коломиец перешел на сторону презренных террористов, о чем и заявил на своей развернутой пресс-конференции в Донецке, где обливал украинские власти отборной грязью! Последняя должность этого ренегата в оборонном ведомстве – старший аналитик Вооруженных сил. Вроде не важная птица, но информацией владел обо ВСЕМ. Этот тип, кстати, и был одной из мишеней погибшей группы Салливана – ее собирались перебросить в Донецк. Он будет мишенью и группы Хардинга – впрочем, не сразу, а после выполнения заданий на Луганщине. Понятно, что всю информацию он уже слил, но хоть другим неповадно будет!

– А вы, уважаемый, чем можете похвастаться? – обратился Хардинг к сухощавому невысокому мужчине. Тот стоял с поднятой головой и спокойно, как-то даже с юмором смотрел ему в глаза. – Ваши имя и фамилия? – Он почувствовал невольный интерес – этот субъект не был похож на заурядного украинца, он явно выбивался из «контекста».

– Водзимеж Гомарек, – надтреснутым голосом, немного картавя, произнес мужчина. – Я из Кракова. Служил в спецназе польской полиции, потом двенадцать лет занимал пост священнослужителя в католическом храме Святой Девы Марии, имел вторую степень священства. – Он неплохо говорил по-русски – во всяком случае, его речь прекрасно понималась.

– Святой отец? – изумился Хардинг, переглянувшись с присутствующими. Те недоуменно пожали плечами. Разумеется, нелепо – поляк, да еще и священник. – А позвольте поинтересоваться, какими судьбами вы оказались на этой войне? Вы не перепутали противоборствующие стороны?

– Неисповедимы пути Господа, сын мой, – ровным голосом отозвался Гомарек. – Ты же не хочешь, чтобы я пространно источался о своих убеждениях, в которых ты все равно ничего не понимаешь и не поймешь, будучи человеком без морали и принципов?

– Каждому свое, святой отец. – Хардинг невольно усмехнулся. Мораль и принципы – дело, безусловно, муторное, а ценности он признавал только семейные, всячески дорожа своей семьей в далекой Оклахоме и плюя с высокой телебашни на все остальные семьи. – И все же, если не секрет, – вы воюете за убеждения?

– Разумеется, – кивнул Гомарек. – Я не приемлю фашизм в любом его проявлении, даже если он прячется под личиной приверженности западным ценностям. Я не приемлю отступлений от христианской морали – а уничтожение мирных городов и мирных жителей – не совсем по-христиански, согласитесь. К чему эти разговоры, достопочтенный сэръ? Нам никогда не понять друг друга, мы слеплены из разного теста. Вы же не планируете сегодня исповедоваться или замаливать грехи? Делайте, что считаете нужным. – Священник прекрасно понимал, что должно произойти через несколько минут, и готов был это принять с христианским смирением.

– Мог бы с вами поспорить, святой отец, – ухмыльнулся Хардинг. – И даже опрокинуть чарку-другую в приятном теологическом споре. Но мы действительно собрались не для этого.

Шестой ополченец угрюмо смотрел ему в глаза. Рослый плечистый парень лет двадцати пяти, с выразительным скуластым лицом и короткой стрижкой. Неплохой, видимо, боец, – мысленно отметил Хардинг.

– Хэллоу, молодой человек, – сказал он.

– Да пошел ты, – сказал ополченец и сунул Хардингу под нос сжатый кулак, из которого со щелчком выстрелил средний палец. Экспрессии оказалось мало – парень ударил ладонью левой руки по сгибу локтя правой, и этот жест вышел даже более доходчивым. Хардинг поджал губы – никакого воспитания у этих варваров.

– Александр Голубев, Санкт-Петербург, сержант ВДВ в запасе, – процедил ополченец.

– ВДВ... – наморщил лоб Хардинг, пытаясь вспомнить слово, которое он уже где-то слышал. – Что такое ВДВ?

– Воздушно-десантные войска, дубина ты некультурная. – Десантник оскалился. – Российская Федерация, слышал о такой?

– Российская Педерация... – ухмыльнулся Паскевич и отвернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.